

Впервые увидев незнакомца, Шо Чэнь так обрадовался и воодушевился, что, неуклюже кувыркаясь и цепляясь за землю, бросился к нему.

Но на полуслове его тело резко замерло.

Он ощутил странный, скрытый могильный холод.

Внезапно перед ним возникло бесчисленное множество глаз — глаз, переливающихся всеми цветами радуги. Казалось, они заглянули в самую душу Шо Чэня, и все его желания и потаенные стремления не смогли укрыться, став видны им насквозь.

Эти глаза излучали удивительное тепло. Глядя на них, не испытываешь ни малейшего страха, лишь странное, ни с чем не сравнимое предвкушение.

— Будьте осторожны, почтенный гость, это кровавый червь. Нельзя смотреть ему в глаза, иначе потеряешь рассудок и станешь его обедом.

Заметив чужака, Сы Циюань слегка изумился, а увидев, как Шо Чэнь с затуманенным взглядом направляется к кровавому червю, тут же громким голосом предостерег его.

Тело Шо Чэня резко качнулось.

Увиденное зрелище заставило его захотеть провалиться сквозь землю прямо здесь. Даже Костяной Демон понимал всю опасность этой твари: хоть он изначально и преследовал Шо Чэня за то, что тот размозжил его кости, но, завидев кровавого червя, до того испугался, что его череп позеленел от ужаса, крылья съежились, и он кубарем скатился обратно в свою могилу, превратившись в безжизненный скелет.

Какой еще кровавый червь? Да это же невероятно уродливое чудище!

Его тело походило на опахало, короткий и толстый хвост волочился сзади, а голова, казалось, срослась с туловищем так, что их было не отличить друг от друга. Семь разноцветных глаз выстроились в идеальную линию вдоль позвоночника. Сам же зверь был багрово-красным и выглядел крайне зловеще.

Лучше бы не смотреть вовсе: стоило лишь взглянуть, как чужие глаза переставали быть твоими, мир вокруг переворачивался, и, полностью потеряв рассудок, человек сам шел напрямик в пасть монстру.

Как близко к гибели.

Шо Чэнь поблагодарил Сы Циюаня:

— Благодарю брата по оружию за предупреждение.

Окутанный багровой дымкой кровавый червь издал дикий, яростный рев и внезапно бросился на Шо Чэня.

Сы Циюань дружелюбно пояснил:

— Этот монстр — не то дракон, не то неведомая тварь, дошедшая до нас из глубокой древности. Он питается всем на свете и отличается крайне свирепым и буйным нравом. Хотя он и уродлив лицом, природа наделила его страстью к красоте, поэтому он вечно пьет кровь людей и животных, чтобы его тело стало алым, как свежая кровь, и радовало его семь драгоценных глаз.

В этот самый момент Шо Чэнь разглядел, что на брюхе у кровавого червя имеются четыре лапы, увенчанные стальными когтями, способными пронзить солнце и расколоть радугу.

Разве позволили бы эти стальные когти Шо Чэню хоть немного подумать? Подобно штормовому ветру, они свирепо обрушились вниз.

Целились-то ему прямо в голову! Стоит лишь одному когтю опуститься — разве не треснет череп надвое? А после придется смотреть, как твоя собственная кровь вытекает фонтаном на потеху кровавому черю?

Позади — мрачное и жуткое логово Костяного Демона, впереди — вызывающий омерзение кровавый червь.

Это поистине безвыходная ситуация.

Какая досада...

— Это не любовь к красоте, это самолюбование. Быть настолько уродливым — настоящее издевательство над окружающими! — применив Искусство Сплывающих Облаков, Шо Чэнь отскочил назад, невольно ощущая жгучую обиду. Называется — невезение с рождения преследует именно его.

Стальные когти рассекли воздух, и ярость кровавого червя взметнулась до небес. Его огромное туловище-опахало завибрировало, изрыгая неистовый пламенный гнев и оглушительный звериный рев: того парня сожрать не удалось, так он схватит этого и выпьет его кровь, сожрет его плоть!

Разорвет на десять тысяч кусков!

Кровавый червь нападал свирепо, и хотя Шо Чэнь вполне мог бы дать ему отпор, стоило ему лишь пустить в ход истинную ци, как в груди поднималась необъяснимая тоска, а сердце начинало болеть так, будто его грызли мириады муравьев.

Эта боль напоминала скорбь, которую предпочтешь тысячекратной мучительной казни, лишь бы не вспоминать.

И в то же время — проклятие: любое его достижение неизбежно превращалось в топор и меч, безжалостно терзающие чью-то чужую душу.

А страдания того человека служили источником боли в его собственном сердце.

Сколько раз попадая в смертельную опасность, он предпочитал бежать в помутнении рассудка, лишь бы не обрушивать лезвия на чужую душу и не причинять ей невыносимых терзаний.

К счастью, место здесь было просторным, а Искусство Сплывающих Облаков вовсе не являлось заурядным легким кунфу — им можно было свободно владеть и без внутренней энергии. Уворачиваясь от раз за разом обрушиваемых стальных когтей кровавого червя, он чувствовал себя совершенно непринужденно.

Однако он заметил одну поразительную вещь: пока он сам, совершенно измотанный, уклонялся от атак чудища, Сы Циюань, словно наблюдая за представлением, лениво полулежал рядом с цитрой. Было бы здесь вино — разве не сошел бы он за благородного мужа, который под луной поднимает бокал в одиночестве, непринужденно ведя беседу с ветром?

Отопрыгнув на несколько чжанов, Шо Чэнь подозрительно спросил:

— Почему этот уродливый монстр тебя не атакует?

Сы Циюань шелковым платком утирал кончики пальцев. На них не было ран, лишь чужая кровь, которую он только что вытянул из тела кровавого червя.

Стерев грязь, он лениво произнес:

— На самом деле кровавый червь находится здесь для того, чтобы охранять меня. Я добровольно прибежал сюда в заложники к хозяйке Горы Кун. Она боялась, что когда Великий массив придет в движение, знатные юноши, самовольно проникшие в Долину Чжэньинь, навредят мне, поэтому и притащила сюда этого кровавого червя в телохранители.

— Твоего телохранителя? — Шо Чэнь чуть не подавился пылью, поднятой гигантскими лапами чудовища. — Я вовсе не какой-то там отпрыск знатного рода, чужая красота Лун Лиюй меня не прельщает, и уж тем более я не твой враг. Вели ему остановиться!

Сы Циюань развел руками:

— Прости, он меня не слушает.

Почему эта фраза звучала так знакомо?

Шо Чэнь пришел к выводу:

— Раз уж он твой телохранитель, то наверняка не повернет назад, чтобы напасть на тебя. Не значит ли это, что стоит оказаться вблизи от тебя — и окажешься в безопасности?

Сы Циюань вздохнул:

— Ни в коем случае. На самом деле...

Хотя Искусство Сплывающих Облаков и не истощало внутренние силы, человеческая плоть не могла выдержать столь долгого бега — так ведь и помереть от усталости недолго.

На лбу Шо Чэня выступили капельки мелкого пота. Не раздумывая больше над последствиями, он в несколько прыжков помчался туда, где находился Сы Циюань.

Он взмыл вперед со скоростью молнии... Бум... Отскочил... Отлетел прочь...

Вспыхнувший с ослепительным снежным блеском световой барьер взметнулся вверх, окружив Сы Циюаня защитным куполом, подобным золотому колоколу. Область, охваченная этим кругом, превосходила обычный золотой колокол в три-четыре раза, а мощь отпора непрошеным гостям взрывалась с силой обрушивающейся горной вершины.

Шо Чэнь двигался слишком быстро, врезался слишком сильно и отлетел на поистине колоссальное расстояние.

И ведь догадывался же, что именно так всё и закончится!

На лице Сы Циюаня проступило выражение вины:

— Хотя я и пришел по собственной воле, она всё равно не верит, что я не попытаюсь сбежать, а потому наложила вокруг меня защитный барьер. Тебе не войти, а мне не выйти.

Именно из-за этого барьера кровавый червь и кружил неподалеку.

Паря в воздухе, Шо Чэнь возмущенно завопил:

— Раз тут барьер, почему ты сразу не сказал?

Сы Циюань ответил:

— Ты же не спрашивал.

Верно, он не спрашивал, да и сам налетел на стену.

Но кто же рассказывает всё лишь наполовину?

С глухим стуком Шо Чэнь грохнулся прямо под ноги кровавому червю. Семицветные глаза уставились на него сверху вниз, а огромная пасть-опахало раскрылась в предвкушении.

Словно предчувствуя лёгкую добычу, кровавый червь издал нечто вроде безумного хохота.

Шо Чэнь уже отчетливо представлял себе, как именно он сейчас погибнет. Он просто махнул на всё рукой и сдался: ему даже сопротивляться было лень. Пусть кровавый червь заносит стальные когти, пусть сносит голову, пусть дробит кости — делай что хочешь!

— Тварь, ищешь смерти.

Сы Циюань произнес всего четыре слова.

Ледяная ци меча со свистом рассекла воздух. Семь глаз кровавого червя лопнули, плоть разорвалась на куски, а его единственный позвоночник был вырезан потоком ци и мгновенно обратился в пыль. Тело еще судорожно подергивалось, но оно уже превратилось в мертвую тушу и с тяжелым грохотом рухнуло на землю.

Когда Сы Циюань возвращал меч в ножны, спрятанные в цитре, на его пальцах все еще таял лепесток морозного пера.

— Меч Морозных Перьев Пурпурной Ночи, — Шо Чэнь поднялся на ноги. Он не успел разглядеть, как Сы Циюань нанес удар, но, завидев тот лепесток, не удержался от восхищенного вздоха.

Взмах меча — и кровавый червь мертв, а барьер разрушен.

Сам Сы Циюань вовсе не собирался ломать барьер. Морозное перо дымкой растаяло на струнах цитры, и он с легким сожалением произнес:

— Почтенный гость надо же как сведущ.

Шо Чэнь гордо вскинул подбородок:

— В прошлом глава Списка Молодых Господ, владелец Башни Цзыюань — Сы Циюань страстно любит игру на цитре, а под его инструментом всегда покоятся два меча. Первый — Меч Морозных Перьев Пурпурной Ночи. Вроде как ходили слухи, что если этот меч обнажен, то в сердце его хозяина пробудилась жажда убийства, и он непременно вкусит крови и увидит усопшие души. Никто и никогда не видел, как выглядит Меч Морозных Перьев Пурпурной Ночи воочию, люди лишь знали, что при возвращении его в цитру кончики пальцев окутывают морозные перья. Второй же меч, Безмятежная Луна Чистых Небес, зовется символом изящества: любуясь цветами и луной или танцуя под аккомпанемент, хозяин всегда пускал в ход именно его.

Сы Циюань слегка улыбнулся:

— У младшего брата весьма обширные познания.

— Я Шо Чэнь, скитаюсь по миру, — Шо Чэнь с улыбкой сложил руки в приветствии. — Впрочем, тут и гадать нечего: искусных музыкантов в Поднебесной по пальцам пересчитать, а у господина столь выдающаяся осанка, что сразу видно — человек из Списка Молодых Господ. Людей в том списке раз-два и обчелся, а с цитрой за спиной может ходить разве что сам владелец башни.

Убийственный клинок Морозных Перьев казался лишь мимолетным движением пальцев, стряхивающих упавший лепесток с ветки. Сохраняя прежнюю расслабленную позу, Сы Циюань с живым интересом посмотрел на Шо Чэня:

— Выходит, ты только что притворился загнанным в угол, чтобы выманить у меня удар?

Притворство тут присутствовало самую малость, хотя кровавый червь и впрямь был противником сложным — если бы Сы Циюань не вмешался и пришлось бы обнажать оружие самому, его, пожалуй, стошнило бы кровью от той жгучей тоски. Шо Чэнь улыбнулся:

— Ты ведь тоже мог выйти за пределы барьера.

Сы Циюань ответил:

— То, что я не выходил, вовсе не значит, что я не мог выйти.

— Выходит, ни кровавый червь, ни барьер тебя и не удерживали, вы просто играли в догонялки друг с другом.

— Я же говорил: я здесь по собственной воле.

— И ты действительно не собираешься отсюда уходить? — любопытство Шо Чэня разгоралось всё сильнее. Зачем великому, утонченному молодому господину понадобилось добровольно запира́ть себя в пещере?

— Раз барьер разрушен, мне, естественно, пора уходить. Оставаться здесь дальше больше нет никакого смысла.

Пальцы Сы Циюаня легли на струны, и полились тихие переливы музыки. Подобно чистому зеркалу, они отражали каждое потаенное движение души, превращая их в парящую в небесах звездную пыль, а всю суетную грязь мирских страстей смывали без остатка.

В самой же мелодии звучало не что иной, как прощание, сыгранное для неё.

Эхо разнеслось по пустым горам, и последняя нота затихла.

Он поднялся на ноги и направился к выходу.

— Раз уж человек уходит, оставлять вещи здесь бессмысленно.

Лунная тень на небосводе внезапно исчезла, и чей-то облик, словно сам правитель небес, застыл посреди Перистого крыла. Фэн Сихэ лениво взмахнула рукавом, и нечто невероятно редкое — нефритовая статуэтка — очертив в воздухе резкую, зловещую черту, полетело прямо в сторону Сы Циюаня.

Этот силуэт был холоден, как лед, а голос — кристально чист и свободен от мирской пыли. В сердце Шо Чэня внезапно хлынула волна тоски и смутное чувство дежавю, хотя он мог бы поклясться, что никогда в жизни не встречал эту женщину, пусть даже и со спины.

Он невольно растерялся: сон это? Или иллюзия? А может, та самая душа, чьего терзания он так страшился в глубине сердца?

Он вдруг громко крикнул:

— Девушка, не могли бы вы повернуться? Дайте взглянуть на вас!

Небо и земля внезапно содрогнулись, и всё живое погрузилось в вечную тишину.

Среди этой абсолютной, звенящей безмолвности белый силуэт Перистого крыла неожиданно пронзил небесный свет и лавиной обрушился на Шо Чэня, вдребезги сокрушая его духовные

образы и иллюзии.

— Это было непреодолимое давление чужой воли, порабощающей и захватывающей чужую душу.

Придя в себя после пережитого ужаса, Шо Чэнь вскинул голову: развевающиеся волосы Фэн Сихэ растворились в бледном свете луны, а белые одежды казались частью самого серебристого сияния, на которое невозможно было смотреть без трепета.

В глазах Сы Циюаня мелькнуло сложное чувство:

— На самом деле ты мог бы оставить ее на память.

В ответ с высоты раздалось лишь холодное, пренебрежительное фырканье.

Сы Циюань тихо усмехнулся:

— Она уже приходила?

— Оставила жизнь. Срок — три дня, береги себя.

Нефритовая подвеска струящегося света Линъюй вернулась в руки Сы Циюаня, а прекрасный силуэт вместе со своими перьями растаял в ночном небе. Шо Чэнь отчаянно попытался рассмотреть ее получше, но от холодной снежной дымки не осталось и следа. Собравшись с мыслями, он с горечью вздохнул:

— В пустой долине таится холодный снег, независимый от бренного мира. Неудивительно, что благородный господин Сы добровольно вызвался быть заложником в этих горах. Пусть я и не узрел ее лица, но могу представить, что эта девушка обладает несравненной, ослепительной красотой, какой не сыскать во всем мире.

На душе у Сы Циюаня стало чуть легче. Закинув цитру за спину, он направился к выходу из долины и негромко произнес:

— Красота истинной красавицы — в костях, а не в оболочке. Ею нельзя любоваться праздным взором, и тем более нельзя осквернять.

На лице Нефритовой подвески струящегося света Линъюй скрывался изогнутый алый месяц — с первого взгляда было ясно, что вещь эта далеко не простая. Стоило Сы Циюаню закрепить ее на поясе, как его изящество заиграло новыми красками, став поистине безупречным.

Красавица лениво срезает фонари Праздника фонарей, роняя слезы, опираясь на цитру Яоцинъ.

Глубокие чувства Сы Циюаня к той девушке были очевидны любому проницательному человеку — к чему было изображать из себя недотрогу? Неудивительно, что он добровольно заточил себя в этой долине. Указав на вещицу у пояса собеседника, Шо Чэнь поинтересовался:

— Эта нефритовая подвеска изначально принадлежала молодому господину?

Сы Циюань кивнул.

В глазах Шо Чэня мелькнуло странное выражение:

— Добровольно заточить себя в долине, а затем преподнести красавице драгоценный нефрит, красавица же осталась глуха к чувствам и оттолкнула его на тысячу ли... Как же она жестоко растоптала преданность и страсть доброго молодца.

Это странное выражение таило в себе презрение.

Подумать только: бывший первый номер Списка Молодых Господ — и тоже не избежал мирской пошлости, ничем не отличаясь от тех распутников из знатных семей, что сбегались отовсюду, жадно вождедая красоты Лун Лиюй.

— Ты можешь восхищаться ею, но не смей смотреть на нее с презрением, — на лице Сы Циюаня не дрогнул ни один мускул, он лишь ровным голосом произнес: — Те, кто смотрел на нее с презрением, уже мертвы.

В его словах не было угрозы — это чистая правда.

Первая принцесса Небесной династии не потерпит к себе неуважения со стороны кого бы то ни было.

— Даже если бы я захотел посмотреть с презрением, — хмыкнул Шо Чэнь, — для этого еще нужно иметь подходящую возможность.

Кто эта красавица? Первый номер Списка Мастеров! У него, может, и была бы воровская страсть, да кишка тонка. К тому же боевые искусства оставляют желать лучшего — даже если он вернется и будет тренироваться еще лет двадцать, вряд ли сравнится хотя бы с одним движением ее пальца. Безымянному бродяге-разбойнику снова повстречаться с небожительницей? Разве что солнце взойдет на западе.

Сы Циюань заметил:

— Тот, кто понимает других — умен, а тот, кто понимает самого себя — прозорлив. Почтенный гость обладает истинной мудростью.

Шо Чэнь: «...»

Называть отсутствие самопонимания и оскорблять человека комплиментом — это по-нашему!

ТЬфу!

Разговаривать было больше не о чем, и они умолкли.

Стоило им ступить в березовую рощу, как впереди раздался гул ожесточенной схватки — звон оружия раскалывал тишину, а волны звуков грохотали вокруг.

Когда на мгновение лязг металла утих, кто-то раздраженно рявкнул:

— Ты, девчонка, на вид красавица, а ума — палата! Если сейчас же не уступишь дорогу, не взыщи за то, что мы старыми силами давим малых!

— Ханжество какое! Сами же первыми полезли в драку, а теперь заявляете про «давить малых» — стыд-то потеряли! — раздался звонкий, подобный птичьему щебету голос Цю Юэ, отчитывающей противников.

Кто же это был, если не она?

— Ай, мала еще, жизни не нюхала, а дерзишь! Это ведь ты преградила нам путь и заставила обнажить мечи. И как язык поворачивается еще и браниться? Воспитание никуда не годится! Сегодня мы преподадим тебе урок старшинства!

Один из мужчин резко взмахнул раскрытым веером и свирепо полоснул воздух в сторону Цю Юэ, подобно взбешенному дракону.

С таким смертоносным ударом — стоило ему сорваться с пальцев — промах был исключен.

Но, судя по всему, противником была лишь соплячка, так что он несколько сдержал силу, собираясь лишь преподать урок и сбить с девчонки спесь.

Кто бы знал, что Цю Юэ и не думала сдаваться! Ее длинный меч свирепо обрушился на поверхность веера, брызнули алые искры, бамбуковые ребра веера с треском лопнули, а сам мужчина тяжело рухнул в пыль.

Цю Юэ с абсолютно невозмутимым видом взмахнула мечом:

— Этот младший господин скитается по миру с малых лет, сирота несчастная, откуда у меня взяться родовому воспитанию? Ты во мне в отцы годишься, хочешь учить меня правилам? Кишка тонка, да к тому же и побить меня не можешь — с чего ты взял, что имеешь на это право?

Мужчина, только что щеголявший складным веером и пытавшийся казаться утонченным мастером элегантности, был посрамлен: Цю Юэ не просто испортила его любимый веер, но еще и пустила кровь, заставив выглядеть жалко — величайший позор всей его жизни. А от ее слов про «папашу» его едва не стошнило кровью:

— Паршивая девчонка! Я ведь щадил тебя, а ты бьешь так злобно!

Цю Юэ надула губки:

— В мире боевых искусств полно опасностей, неужели твой папаша не учил тебя этому? Если не перестанешь спорить, я снесу тебе башку!

Мужчина едва не задохлся от гнева:

— Не в коня корм!

Остальные, видя, как этот вояка не смог одолеть девчонку да еще и словом переспорить, не испытали к нему ни капли сочувствия — наоборот, разразились насмешливыми улюлюканьями и презрительным гиканьем:

— Мелюзга назвала себя юным героем, а как же ты тогда величаешь нас, мужей ростом в семь чи?

— Знаю! В этих горах живет красавица, и все вы приперлись сюда из-за ее внешности! Тех, кто зарится на чужую красоту, издревле называют... — Цю Юэ склонила голову набок, раздумывая, затем резко шлепнула себя по лбу и обрадованно выпалила: — Похотливыми мужланами!

Толпа возмутилась:

— Совсем берегов не видит! Мелюзга, а рассуждает о похоти. Разве можно называть любовь к красоте похотью?

Цю Юэ парировала:

— Я тоже люблю красивых братцев и красивых сестриц! Я люблю красоту и не боюсь открыто в этом признаться, а вы — здоровые мужики ростом в семь чи, а вечно крутитесь и мнетесь, и в чем тут ваша удаль?

— Любить красоту свойственно каждому молодому сердцу. Похоть — ну, пусть и грубовато, зато справедливо, — из-за деревьев, примерно в десятке чжанов от них, появился одетый в серое мужчина с черной полумаской на лице и мечом за спиной.

Мужун Чанся и впрямь выглядел так, будто просто проходил мимо: он направлялся вовсе не вглубь гор, а как раз в обход, к выходу. Заметив, как яростно те сражаются, пытаясь толпой одолеть эту странную и вредную девчонку, которая к тому же явно одерживала верх, он не удержался от реплики:

— Этот юный герой — совсем не простой герой, ее боевые искусства необычайно странные и грозные. Если вы и дальше будете сдерживаться в бою, ничего хорошего вам не светит.

Он отлично помнил, как эта девчонка липнупка к нему банным листом, пока он не свалился в долину.

— Ах ты злой человек! Они бьют меня толпой, а ты еще и подлизываешься к ним! — Цю Юэ, отражая и парируя удары, двигалась легко и стремительно, порхая словно дымка над осенними холмами. Метнув гневный взгляд на Мужун Чанся, она расплылась в лукавой, вредной улыбке: — А знаете ли вы, что горная красавица вырастила огромного монстра, который как раз и пожирает таких вот потерявших рассудок от красоты глупцов? Я преграждаю вам путь ради вашего же блага! То, что вы несколько дней бродили здесь кругами, словно угодив в ловушку духов, — дело рук вон того красивого братца, который только что разрушил массив и выпустил вас. Если вы и дальше пойдете напролом через мою территорию вперед, вас целиком проглотит пасть великого монстра! Разве то, что я творю добро во имя справедливости, не делает меня настоящим героем?

Она говорила чистую правду — Шо Чэнь ведь именно так туда и угодил.

Один из мужчин, решив посмеяться над этой робкой девчонкой, несшей такую чушь, с усмешкой произнес:

— Позвольте узнать имя славного героя? Мы запомним твою доброту и отплатим в будущем.

Тут же все вокруг покатились со смеху, а звуки ожесточенной схватки на миг затихли.

Цю Юэ лукаво улыбнулась и звонким голосом отрапортовала:

— Имя этого юного героя гремит повсюду, и менять его я не собираюсь. Зовите меня Шо Чэнь!

<http://bllate.org/book/21826/2260538>